

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ В 1960–1980-е гг.

На рубеже 1960–1970-х гг. англо-американская советология претерпела серьезные внутренние изменения. В послевоенные годы в ней задавали тон политологи, но к началу 1970-х гг. среди советологов значительно возросло количество историков. Слабость тоталитарной модели в объяснении постелалинских изменений в Советском Союзе была очевидной. Модель предполагала, что тоталитарные режимы бесконечно воспроизводят себя (можно даже использовать понятие кпонируют), а изменения допускала лишь как результат внешнего воздействия. Однако советский режим чрезвычайно заметно изменился и потерял многие "тоталитарные" характеристики.

Новой моделью анализа советской политической системы, первоначально пришедшей на смену тоталитарной концепции, стала "конфликтная модель"¹. Она уже не была статичной, т. е. не предполагала, что система будет неизменной в течение длительного времени, и подчеркивала, что власть внутри Политбюро была постоянным объектом борьбы. Однако главное внимание вновь концентрировалось на вершине властной пирамиды, а не на политической системе в целом.

На состояние советологических исследований большое влияние оказала "бихевиористическая революция" в социальных науках, вызвавшая особое внимание к поведению масс и элиты². Предметом углубленного исследования советологов стали отдельные аспекты функционирования советской системы. Акцент делался на природе политического лидерства, принятии решений и дебатах внутри партийного и советского руководства, смене политических лидеров. Шагом вперед в понимании политики внутри Политбюро как производной части всей политической системы стали структуралистские концепции. Они базировались на анализе взаимодействия политических и экономических институтов и создавали более сложную картину советской политической системы, чем тоталитарная и конфликтная модели. Структуралистский подход признавал наличие множественных интересов в партийном и советском аппарате, трактовал принятие политических решений как результат согласования различных интересов, подчеркивал разницу в процессах принятия решений и их выполнения и оценивал отношения между партийно-государственным аппаратом и обществом как интерактивные.

Новой тенденцией западного советологического ревизионизма был поворот к социальной истории, т. е. к научному направлению, кредо которого английский историк Т. Зелдин выразил так: "Кульминацией социальной истории должна стать история всеобъемлющая, охватывающая личность, умонастроения и общество одновременно". Социальная история дает представление о движении общества вместе со свойственными ему институтами: организацией производства, жизнедеятельности, власти, управления и т. д. В центре внимания находится человек не сам по себе, а как "элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма"³. В свою очередь, властные структуры рассматриваются как результат социальных сдвигов и потрясений, пришедшихся на эти годы.

Сторонники тоталитарной модели подходили к СССР как к закрытой системе, фундаментально отличающейся от западной. Применяя эту модель, они пренебрегали возможностью политических изменений. Ревизионисты, наоборот, видели некоторое подобие в функционировании западных демократий и коммунистических государств. С этой точки зрения было возможно использовать в изучении СССР эмпирические методы и теории, применяемые к западным системам.

Дискуссии о возможности применения западных обществоведческих дисциплин по отношению к советскому опыту, споры о советской исключительности сопровождали историю всей западной советологии. Французский автор Р. Арон отмечал, что те, кто живет в СССР, с трудом могут поверить, что за хаотическим фасадом конституционно-плюралистических режимов не скрывается всемогущество маленькой группы людей. Точно так же многие западные демократы убеждены, что Советскому Союзу присущи конфликты, которые составляют суть конституционно-плюралистических режимов. Иными словами, советские люди считают конституционно-плюралистические режимы «монополистическими олигархиями», поскольку хотят найти на Западе то же, что и дома. А сторонники конституционно-плюралистических режимов полагают, будто за фасадом партийной олигархии непременно есть свободное взаимодействие сил и группировок⁴.

Споры об отношениях между методологией обществоведения и советологии были характерной чертой и англо-американского академического мира. В 1973 г. краткий обзор методологических различий двух подходов – изучения региона или использования общих принципов социальных наук – был дан в статье Д. Каутского «Сравнительный коммунизм против сравнительной политики»⁵. Сторонники первого подхода считали, что важнейшим фактором является уникальность страны или региона, что требует использования прежде всего «культурного» подхода к изучению. Например, С. Солонен в редактированном ею сборнике «Плюрализм в Советском Союзе» видела опасность в неадекватном применении системы ценностей. Она писала, что существует опасность попасть в ловушку использования американских или западноевропейских ценностей как главной линии оценки советской реальности, и призывала приостановиться в увлечении сравнением, сконцентрировавшись на уникальности советской политики⁶.

Р. Шарлет аргументировал, что коммунистические системы были закрытыми обществами со сложно различаемым процессом принятия политических решений, юридически неопределенными структурами, функциями и правилами. Это создавало условия, при которых многие ведущие концепции западной политической науки не могли быть применимы для изучения таких политических систем, так как их значение искажалось при описании соответствующих аспектов коммунистических режимов⁷. На подобную опасность обращал внимание и Д. Хоуг, отмечавший, что в сравнительном анализе психологически трудно отказаться от влияния собственной системы ценностей и нет ничего более легкого, чем применять определения и стандарты, которые сделают результаты подходящими для удовлетворяющих исследователя критериев⁸.

Одной из причин осторожного отношения к применению моделей в советологии являлся разделяемый частью исследователей антинатуралистический подход, опирающийся на признание принципиальных отличий методов естественных и общественных наук. Сторонник такой точки зрения А. Мейер утверждал, что советология, как и обществоведение в целом, является больше искусством, чем наукой⁹. При всей внешней парадоксальности и вероятной провокационности утверждений подобного рода следует признать, что разъяснения, даваемые автором, указывают на ряд действительных проблем советологии, отражающих общее состояние социальных и гуманитарных наук. Например, представляется чрезвычайно важным внимание к словарю науки, который должен являться точным языком, понимаемым каждым специалистом, использующим его. Реальное положение дел в советологии было таким, что каждый ученый должен был сначала разъяс-

нить (хотя многие и не делали этого), в каком значении он применяет тот или иной термин. Даже лучшие англоязычные энциклопедии по общественным наукам не являлись и не являются до сегодняшнего дня точным обобщением существующих знаний. Вместо этого они дискутируют по поводу ключевых слов, их истории, различных вариантов использования, систем идей, в которых они применяются, и трудностей оперирования ими.

Вторая группа исследователей настаивала, что главным является не "чувство" страны, а умение перенести ее изучение в рамки выработанных схем, образцов и законов. Так, А. Мейер сожалел, что слишком долго коммунистический мир анализировался вне рамок сравнительного изучения, в условиях применения концепций и моделей, зарезервированных только для него самого. С точки зрения автора, одной из важнейших причин, помешавших англо-американским исследователям анализировать коммунистическое общество через систему координат широко используемых концепций и теорий, был климат холодной войны. Он предлагает для интегрирования изучения советского общества в социальную науку "просто очиститься от духа холодной войны"¹⁰.

Эксперты в области советской внутренней политики крайне редко прибегали к сравнению советской политической системы с тоталитарными государствами Запада и третьего мира. Даже если такие попытки предпринимались, то они чаще концентрировались на результатах политики, а не на институтах, ее проводящих и вырабатывающих. Р. Канет обращал на это внимание еще в середине 1970-х гг., но подобная ситуация сохранялась в течение длительного периода времени¹¹. Причины заключались в чрезмерном подчеркивании в советологических исследованиях двух составляющих советской системы: тоталитарного режима и государственной коммунистической идеологии. Существовало, уже отмеченное нами, согласие между "левыми" и консервативными исследователями в отношении уникальности СССР. Конечно, многие черты советской политической системы не позволяли говорить об идентичности коммунистических и западных государств. Но это не означало, что остальные составляющие систем также были несопоставимы. Советский опыт можно было рассматривать не только при изучении такого феномена, как "коммунизм".

В господствовавшей долгое время тоталитарной модели со всеми плюсами и минусами ее классического варианта сравнение делалось только с нацистской Германией и термин "тоталитарный" подразумевал полную непохожесть на государства Запада. В научном смысле отношения СССР и западных государств рассматривались как отношения противоположностей, различных абсолютно во всех составляющих. Советский Союз рассматривался даже не как крайность в едином сообществе, а скорее как изолированная система. Такой взгляд делал невозможным осознание того, что "советский вариант" является только одним проявлением широкомасштабной проблемы, общего вопроса об отношениях общества и государства. Конечно, любое сравнение является упрощением, и обобщение всегда затемняет детали. Но, используя сравнительный анализ, ученые могли обратить внимание на события, выходящие за пределы одной системы и оказывающие влияние на многие страны. В конечном итоге сравнение СССР с западными государствами было действительно политическим актом, позволяющим понять, что в советском и западном опыте есть общие черты, возникающие из насильственной функции государства.

В 1960-е гг. англо-американские ученые сделали первые шаги в направлении сравнительного изучения советской политической системы. Одним из

немногих исследований этого периода, посвященных данной проблеме, была работа З. Бжезинского и С. Хунтингтона "Политическая власть: США/СССР", подразумевающая существование политических параллелей двух государств. Однако в результате анализа политического процесса и политической культуры авторы приходят к выводу, что это полностью различные системы¹². Заметный след в истории советологии оставил сборник статей "Изучение коммунизма и общественные науки: эссе о методологии и эмпирической теории", изданный под редакцией Ф. Флерона в 1969 г.¹³. Он подчеркивал разрыв между советологией и западным обществоведением и предлагал использование "сравнительного коммунизма" как формы применения методов обществоведения в советологии. После публикации Ф. Флерона тенденция сравнительного анализа коммунистических систем стала заметным явлением англо-американской историографии. Концепция подразумевала наличие различий в странах "восточного блока" и возможные различные пути их развития. Хотя сравнительный коммунизм не обязательно вел исследователей к сравнению советской политической системы с нетоталитарными режимами, он, безусловно, являлся заметным продвижением в применении в советологии концепций и теорий западного обществоведения.

На англо-американскую советологию влияло и изменение международного климата, особенно состояние советско-американских отношений, во многом формировавшее подходы к интерпретации советской ситуации. Для 1950–1960-х гг., времени чрезвычайной враждебности двух сверхдержав, была характерна концентрация внимания на негуманных и нефункциональных сторонах советской системы. Период разрядки, сотрудничества Востока и Запада сделал советские исследования более открытыми для применения разнообразных интерпретаций и сравнения с другими странами. В советологии стал использоваться широкий спектр методологических подходов – от кремленологии до количественного анализа. Но новая ситуация породила и свои крайности. Многие концепции легко переносились из обществоведения в советологию, Советский Союз стал рассматриваться как слишком похожий на западные государства, а многие исследователи стремились больше говорить о позитивных и функциональных характеристиках советской системы.

Многие англо-американские ученые в 1970-е гг. приветствовали применение западных концепций, считая, что приспособление моделей для изучения Советского Союза полезно и будет способствовать взаимному обогащению советологии и общественной науки в целом. Но слишком легкое использование западных концепций таило в себе опасность, которую Д. Сартори назвал "концептуальной эластичностью"¹⁴. Он не отрицал возможность сравнения политических систем, но подчеркивал необходимость учитывать различия в компонентах, зачастую носящих одинаковые названия. В первую очередь, следует обратить внимание на опасность сглаживания черт различия советской и западной систем, поскольку применяемые концепции подчеркивают, прежде всего, их общность.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. наличие слабых сторон применяемых концепций вызвало не только резкие критические оценки в англо-американском академическом сообществе, но и вновь вызвало обсуждение самой возможности применения моделей в советологии. Так, В. Бунсе и Д. Эчолс отрицали возможность применения сравнительных исследований, считая, что этот метод принесет в советологию лишь новые ошибки, не исправив старых, порожденных региональным подходом к изучению СССР. Хотя они и признавали важность применения идей социальных наук из-за очевидных

недостатков тоталитарной теории, но критиковали и отдельные моменты пришедшей ей на смену теории модернизации. Последняя заимствовала западные модели развития и плюрализма, но не уделяла должного внимания репрессивным тенденциям советского режима¹⁵.

Более обещающие подходы в применении теорий западных социальных наук в советологии появились в начале и середине 1980-х гг. Ученые стали применять более строгие в теоретическом отношении подходы к изучению отношений между государством и обществом, этнической политики, отношений центра и периферии, институтов советской системы и роли элиты в политике¹⁶. Во все большей степени исследователи признавали необходимость применения теоретических разработок. Это стало особенно важно во второй половине 1980-х гг., когда появилась возможность использования новых материалов и проведения эмпирических исследований.

Изучение советского общества в эти годы становилось все более детальным и эмпирическим. Хотя задача описания системы в целом сохранялась, значительный интерес вызывал анализ ее отдельных составляющих. В то время как на ранней стадии изучения Советского Союза «советская политика» была практически равнозначна политике высшего руководства, в дальнейшем большее внимание уделялось политике низших уровней и комплексу взаимоотношений между гражданами и правительством. Исследователи также стали анализировать не только политический процесс, но и его результаты и последствия. Англо-американская советология стала значительно различаться в темах исследований, применяемых методах и делаемых выводах. Различия стали столь же значительными, как при изучении других регионов мира.

¹ См.: Linden R. *Khrushchev and the Soviet Leadership, 1957–1965*. Baltimore, 1966; Kelley D. *Toward a Model of Soviet Decision-Making* // *American Political Science Review*. 1974. 68 (December).

² См.: *The Behavioral Revolution and Communist Studies; Applications of Behaviorally Oriented Political Research on the Soviet Union and Eastern Europe* / Ed. by Roger E. Kanet. New York, 1971.

³ Цит. по: Орлов И. Б. Книги о «слабых мира сего» // *Отечественная история*. 1999. № 6. С. 171.

⁴ См.: Арон Р. *Демократия и тоталитаризм* / Пер. с фр. М., 1993. С. 214.

⁵ Kautsky J. *Comparative Communism Versus Comparative Politics* // *Studies in Comparative Communism*. 1973. Vol. 6.

⁶ См.: *Pluralism in the Soviet Union* / Ed. Solomon S.G. London, 1983. P. 27–28.

⁷ См.: *Communist studies and the social sciences: essays on methodology and empirical theory* / Ed. by Frederic J., Fleron Jr. Chicago, 1969. P. 211.

⁸ См.: Hough J. *The Soviet Union and social science theory*. Cambridge, 1977. P. 223.

⁹ См.: Meyer A. *Comparative Politics and Its Discontents: The Study of the USSR and Eastern Europe* // *Political Science and Area Studies: Methodology and Empirical Theory: Rivals or Partners?* / Ed. Lucian W. Bloomington, 1975. P. 108.

¹⁰ *Communist studies and the social sciences: essays on methodology and empirical theory* / Ed. by Frederic J., Fieron Jr. Chicago, 1969. P. 198.

¹¹ Kanet R. *Is Comparison Useful or Possible?* // *Studies in Comparative Communism*. 1975. VIII (1/2). P. 20–25.

¹² См.: Brzezinski Z., Huntington S. *Political Power: USA / USSR*. New York, 1965.

¹³ См.: *Communist studies and the social sciences...* Указ. нр.

¹⁴ Sartori G. *Concept Misinformation in Comparative Politics* // *American Political Science Review*. 1970. 64(4). P. 1033–1053.

¹⁵ См.: Bunce V., Echols J. *From Soviet Studies to Comparative Politics: The Unfinished Revolution* // *Soviet Studies*. 1979. Vol. 30. Is. 1. P. 44–46.

¹⁶ См.: Bialer S. *Stalin's Successors: Leadership, Stability and Change in the Soviet Union*. Cambridge, England, 1980; *The State in Socialist Society* / Ed. Harding N. Albany; New York, 1984; Motyl A. *Will the Non-Russians Rebel? State, Ethnicity and Stability in the USSR*. Ithaca; New York, 1987.

Меньковский Вячеслав Иванович – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории России БГУ.

